

Научная статья

УДК 343.21

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005

Общественная опасность личности и основание криминализации

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Реферат

Введение: анализ новелл Особенной части уголовного закона за последнее десятилетие показывает, что абсолютное их большинство являются специальными нормами, по сути, направленными не на установление ответственности за то или иное деяние, а на дифференциацию ответственности за уже запрещенное поведение в зависимости от тех или иных его признаков, в том числе характеристик субъекта преступления. Выявленное обстоятельство ставит вопрос об учете в целях криминализации особенностей личности и соотношении их с общественной опасностью как основанием признания деяния преступным. *Цель:* на основании обращения к уголовному закону, пояснительным запискам к законопроектам, а также теории ответить на вопрос об учете общественной опасности личности в целях криминализации. *Методы:* формально-логический и аналитический методы, статистический метод и метод интерпретации. *Результаты:* дискуссионным в науке является вопрос не только о понимании общественной опасности, но и о необходимости учета общественной опасности деятеля при определении опасности деяния. Обращение к пояснительным запискам, сопровождающим законопроекты о введении в Особенную часть уголовного закона того или иного запрета, показывает, что при обосновании криминализации деяния учитываются содержание возложенных на лицо полномочий и необходимость установления более строгой ответственности. Этот вывод не вызывает возражений и, по большому счету, лишь подтверждает позиции, высказанные в науке: если субъект преступления специальный, то общественная опасность деяния повышается за счет его свойств. Уточним, что это справедливо для специального субъекта с должностным, служебным, профессиональным статусом, а также статусом, вытекающим из особых взаимоотношений с потерпевшим. Однако вопрос остается открытым для деяний с признаками административной и уголовно-правовой преюдиции, а также применительно к ст. 210.1 УК РФ. *Выводы:* основанием криминализации признается общественная опасность деяния, однако вопрос о том, включается ли в ее содержание общественная опасность деятеля, остается дискуссионным. Анализ пояснительных записок к законопроектам, а также текста уголовного закона и теоретических исследований позволяет говорить об очевидном акцентировании законодателем внимания на фигуре деятеля в числе прочего посредством придания его личностным свойствам значения криминообразующего признака, в том числе единственного. Это имеет место в деяниях с признаками административной и уголовно-правовой преюдиции, а также в ст. 210.1 УК РФ, что в целом указывает на учет законодателем общественной опасности деятеля, обусловленной его личностными свойствами.

Ключевые слова: общественная опасность преступления и преступника; криминализация; опасное состояние личности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 263–271. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005.

Public Danger of the Individual and the Basis of Criminalization

YULIYA S. KARAVAEVA

Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Abstract

Introduction: an analysis of the novelties of the Special Part of the Criminal Code over the past decade shows that the absolute majority of them are special norms, in fact, aimed not at establishing liability for a particular act, but at differentiating responsibility for already prohibited behavior depending on certain features, including characteristics of the subject of a crime. The revealed circumstance raises the question of taking into account of personality traits and their correlation with public danger as the basis for recognizing an act as criminal. *Purpose:* on considering criminal law, explanatory notes to draft laws, and the theory, to answer the question of taking into account public danger of the individual for the purpose of criminalization. *Methods:* formal logical and analytical methods, statistical method and interpretation method are used. *Results:* not only the question of understanding public danger is debatable in science, but also the question of the need to take into account public danger of the individual when determining the danger of an act. The analysis of explanatory notes to draft laws on the introduction of a prohibition in the Special part of the criminal law shows that when proving criminalization of an act, the content of the powers assigned to the person and the need to establish stricter liability are taken into account. This conclusion does not raise objections and, by and large, only confirms the positions expressed in science: if the subject of a crime is special, then public danger of the act increases due to its properties. Let us clarify that this is true for a special subject having an official, professional status, as well as a status arising from a special relationship with the victim. However, the issue remains open for acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as for Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Conclusion:* public danger of the act is recognized as the basis for criminalization, however, the question of whether public danger of the individual is included in its content remains debatable. The analysis of explanatory notes to draft laws, criminal law and theoretical studies allows us to conclude that the legislator obviously focuses attention on the personality of a perpetrator, including by giving his/her personal properties the meaning of a criminalizing element, including the only one. This is the case in acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in general, indicates that the legislator takes into account public danger of a perpetrator due to his/her personal characteristics.

Keywords: public danger of crime and a criminal, criminalization, dangerous state of personality.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Karavaeva Yu.S. Public danger of the individual and the basis of criminalization. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 263–271. doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005.

Введение

Имея значение одного из существенных признаков преступления, уголовно-правовая категория общественной опасности оказывается так или иначе связанной с иными институтами уголовного права, чему не препятствует активная дискуссия в науке, продолжающаяся уже длительный период. По большому счету, суть дискуссии сводится к вопросу о соотношении субъективного и объективного начал в понимании общественной опасности, и этот же вопрос обсуждается при оценке категории в связи с целями криминализации. Традиционно в рамках последней анализируемая категория рассматривается в качестве «решающего критерия» [1, с. 63], «важнейшего фактора» [2, с. 68] или основания криминализации [3, с. 18]. Придание такого значения порождает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, теория

криминализации призвана ограничить возможный популизм законодателя в решении вопроса о преступном и не преступном и придать рациональность применению уголовно-правового принуждения за счет требования обоснованности вводимых запретов, с другой – этот посыл нивелируется фактической неопределенностью и отсутствием четких критериев или шкалы, позволяющих установить общественную опасность как объективно существующее свойство деяния, подлежащего криминализации.

В связи с этим представляется вполне логичным заключение: «следует признать данностью, что в настоящее время определенное деяние или поведение человека признается преступлением по воле законодателя. Является ли при этом то или иное деяние (поведение) опасным и, как следствие, преступным,

определяет только сам законодатель, исходя из различных обстоятельств и руководствуясь факторными мотивами. Общественная опасность в этой системе производна, вторична и придает этому процессу конечный характер и правовое обоснование» [4, с. 64].

Анализ законодательных инициатив последнего десятилетия, направленных на новеллизацию Особенной части уголовного закона, подтверждает эту мысль в части уголовно-правовых запретов, в основе появления которых с очевидностью лежат соображения целесообразности, в том числе политической. Вместе с тем у истоков другой части новелл, действительно, лежит свойство общественной опасности как фактической или потенциальной вредоносности деяния, что в том или ином объеме отражается в пояснительной записке и соответствует учению о криминализации.

Достоинства последнего подхода обусловлены, во-первых, тем, что он позволяет предупредить дискуссию о разграничении преступлений и иных правонарушений в зависимости от наличия либо отсутствия общественной опасности как объективно присущего деянию свойства. Понимаемая как вредоносность общественная опасность оказывается присущей любому правонарушению, включая преступление, что, с одной стороны, идет вразрез с положениями ч. 1 ст. 14 УК РФ, дефективность которой в соответствующей части обсуждается в науке, а с другой – объясняет легкость законодательных маневров с точки зрения межотраслевой дифференциации ответственности, ярким примером чего выступает декриминализация клеветы и ее возвращение в Особенную часть уголовного закона спустя непродолжительное время.

Во-вторых, эта позиция соответствует высказанному Конституционным Судом Российской Федерации мнению о том, что «преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность» [5]. Уместно отметить, что уголовно-правовой теории известна позиция, согласно которой преступление обладает определенной степенью (уровнем) общественной опасности, что и позволяет отграничить его от иных видов правонарушений: «специфика опасности преступления заключается именно в характере и степени» [6, с. 25].

Обозначенный подход к пониманию общественной опасности тем не менее не снимает вопрос о том, какие элементы и признаки состава деяния определяют его фактическую или потенциальную вредоносность, что, к слову, уже давно выступает предметом обсуждения в науке.

Научная дискуссия о соотношении общественной опасности деяния и деятеля

Анализируя положения Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., впервые дефинитивно отразивших материальное определение преступления посредством указания на его общественную опасность, В. Н. Кудрявцев отмечает, что «законодатель учитывал и отражал в законе все стороны общественной опасности», имея в виду, что «при определении содержания уголовно-правового запрета учитывались не только объекты преступных посяга-

тельств, но и иные элементы состава, в которых проявлялась общественная опасность деяния» [1, с. 64].

Однако в теории были высказаны и альтернативные точки зрения, обосновывающие зависимость общественной опасности деяния от какого-либо конкретного признака состава преступления: объекта посягательства, характеристики преступного последствия, способа совершения деяния, формы вины и, наконец, специфики личности преступника [7, с. 28; 8, с. 9; 9, с. 68]. В частности, Л. М. Прокументов указывает, что «общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением... Субъект и субъективная сторона не являются определяющими элементами его общественной опасности» [10, с. 26–28]. Вина и субъект преступления, по мысли ученого, выступают только обязательными условиями привлечения к уголовной ответственности. При этом повышение общественной опасности преступлений со специальным субъектом ученым связывает с «удвоением» объекта посягательства, когда «посягательство нарушает две или более группы общественных отношений» [11, с. 86].

Указанная точка зрения имеет своих сторонников в научной среде, однако современное уголовное законодательство, как представляется, располагает к иным оценкам, явно перенося акценты с деяния на деятеля и привлекая тем самым внимание к общественной опасности личности и ее значению в свете криминализации. Как отмечает И. Гонтарь, «нужно признать, что объектом, заключающим, несущим в себе свойство общественной опасности, является именно отдельная личность, обладающая своей индивидуальностью. Деяние, поведение служат только показателем общественной опасности индивида» [12, с. 17].

Справедливости ради следует отметить, что постановка проблемы не нова и, к примеру, в цитируемом выше труде В. Н. Кудрявцева «Основания уголовно-правового запрета», изданном в 1982 г., рассматривается вопрос о зависимости общественной опасности отдельных деяний от свойств специального субъекта преступления [1].

Учет общественной опасности личности в целях криминализации деяний со специальным субъектом

Обращение к пояснительным запискам, сопровождающим те законопроекты, которые опосредовали криминализацию преступлений со специальным субъектом, приведенную выше мысль академика отчасти подтверждает: в отдельных случаях законодатель обращает внимание на те аспекты того или иного статусно-ролевого положения субъекта, за счет которых общественная опасность деяния достигает степени, необходимой для криминализации. Как правило, речь идет о появлении специальных уголовно-правовых норм, а значит, строго говоря, имеет место не криминализация, а дифференциация ответственности, однако полагаем допустимым в целях исследования использовать данный ресурс.

Так, согласно пояснительной записке к законопроекту, в результате принятия которого в Особенной части уголовного закона появилась ст. 286.1 «Неисполнение сотрудником органов внутренних дел при-

каза», а в Общей части – п. «о» ч. 1 ст. 63 (совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел), предлагаемые нововведения направлены «на усиление защиты прав и законных интересов граждан и организаций от неправомερных действий сотрудников органов внутренних дел» [13]. Указанная цель не обосновывает предположение об особой криминогенности статуса сотрудников иных правоохранительных структур, отсюда не удивительны и активная критика новелл в научной литературе, и обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации в связи с нарушением данными изменениями их конституционных прав. По большому счету, именно в результатах рассмотрения данных жалоб нашла отражение официальная позиция относительно учета повышенной общественной опасности сотрудников данного ведомства в уголовном законе – позиция суда, но не законодателя.

В частности, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О указывается, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру... ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном... противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения» [14].

Следуя логике Конституционного Суда Российской Федерации, вывод о наличии основания криминализации применительно к данному деянию вытекает из содержания вреда, явившегося следствием нарушения возложенных на сотрудника органов внутренних дел полномочий и проявивших себя в данном нарушении негативных личностных характеристик, именуемых в науке антисоциальными взглядами и установками. Иными словами, обращается внимание и на особые характеристики субъекта, за счет которых он именуется специальным, и на личностные свойства деятеля, выразившиеся в их преступном использовании. Строго говоря, и те, и другие характеристики являются признаками личности преступника и в соответствующем криминологическом учении относятся в первом случае к социально-демографической подструктуре личности, а во втором – к ценностно-нормативной, однако если первые приобретают значение для квалификации преступления, то вторые необходимы для иных целей, не связанных с квалификацией.

Отметим, что в пояснительной записке к законопроекту, которым п. «о» из ч. 1 ст. 63 УК РФ был исключен в июне 2023 г., устранимый признак определяется как дискриминационный, причем автор законопроекта ссылается на несправедливость выделения указанных сотрудников из представителей иных структур, обеспечивающих правопорядок в России, минимальную долю совершаемых сотрудни-

ками правоохранительных органов преступлений от общего числа (1 %) и необходимость «восстановить логику законодательного регулирования и избежать тем самым подчеркивания незаслуженного и несправедливого недоверия к действующим сотрудникам органов внутренних дел России» [15].

В свете указанного вызывает недоумение тот факт, что в отношении ст. 286.1 УК РФ декриминализации не произошло, несмотря на обозначенную в пояснительной записке позицию законодателя о дискриминационном характере нормы п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ и необходимости восстановления логики регулирования: требования системности и обоснованности, с легкостью проигнорированные на этапе дополнения уголовного закона обозначенными новеллами, не менее легко «забыты» при «исправлении» ранее допущенных неточностей.

В другом случае (в обоснование установления уголовной ответственности за внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории) пояснительная записка указывает на содержание полномочий кадастрового инженера как специального субъекта деяния, для оценки добросовестности исполнения которых специальные механизмы законом не предусмотрены. Отмечается, что «орган кадастрового учета вносит сведения об объекте недвижимости... в государственный кадастр недвижимости на основании подготовленных кадастровым инженером документов, содержащих необходимые для осуществления такого учета сведения. При этом у органа кадастрового учета в соответствии с действующим законодательством отсутствуют полномочия по проведению экспертизы документов и содержащихся в них сведений, кроме проверки на наличие оснований для принятия органом кадастрового учета решений о приостановлении или об отказе в осуществлении кадастрового учета в соответствии с требованиями Закона о кадастре». Это позволяет заключить, что «Закон о кадастре наделил кадастрового инженера значительными полномочиями, которые, в свою очередь, должны сопровождаться высокой степенью ответственности» [16].

По всей видимости, общественная опасность этого деяния связывается с исключительными полномочиями специального субъекта преступления, механизм верификации добросовестности исполнения которых действующим законодательством не предусмотрен. Вопрос о достаточности такого аргумента для обоснования криминального уровня опасности деяния, на наш взгляд, остается открытым.

Отметим, что примеры криминализации деяний со специальным субъектом, криминогенность статуса которых обосновывается в соответствующих пояснительных записках посредством указания на содержание статуса и (или) последствия недобросовестной его реализации, довольно редки, поскольку, как правило, в обосновании (там, где оно представлено) приводится указание либо на неспособность достижения цели превенции существующим административным запретом, либо на характеристики вредных послед-

ствий. Тем не менее приведенные примеры свидетельствуют о том, что, действительно, общественная опасность ряда деяний связывается с отдельными характеристиками личности преступника, как правило, относящимися к социально-демографической его подструктуре и в рамках состава преступления признаваемыми специальными признаками субъекта. В силу наличия в уголовном законе прямого указания данные признаки приобретают значение для квалификации и позволяют говорить об учете общественной опасности субъекта преступления в целях криминализации, входя в объем ее основания.

Отражение общественной опасности личности в преступлениях с преюдициальными признаками и преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ

Вместе с тем полагаем, что сегодня законодатель придает значение криминообразующих признаков состава таким характеристикам личности виновного, которые не связаны с его социально-демографической подструктурой в части позиции в системе общественных отношений, объемом и содержанием полномочий и должны соответствовать им степени строгости ответственности, отражают состояние его ценностно-нормативной сферы, ввиду чего чрезвычайно близки к понятию опасного состояния личности. И если с точки зрения практики уголовного законодательства учет криминогенных личностных характеристик виновного в целях криминализации, видимо, вполне допустим, то с точки зрения науки такая ситуация небесспорна, что следует, в частности, из обращения к нормам, закрепляющим ответственность за деяния с преюдициальными признаками, присутствие которых в действующем уголовном законе расширяется.

Суть феномена преюдиции в доктрине связывается со «специфическим рецидивом» [17, с. 7]. Так, о характере связи признаков субъекта преступления, образованных повторностью его противоправного поведения, с вновь совершенным преступлением высказался Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, в отношении уголовно-правовой преюдиции он отметил, что «имеющаяся у лица неснятая или непогашенная судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления, антисоциальная природа которого определяется в значительной мере систематичностью преступного поведения лица и порождает особые публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью» [18].

Вместе с тем применительно к административной преюдиции Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства» [19]. Наряду с приведенным тезисом в этом же постановлении высказывается и другая мысль, содержание которой позволяет говорить об учете специфических асоциальных свойств личности в целях криминализации

деяний с признаками административной преюдиции. Так, отмечается, что «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкуче с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)» [2].

Как видим, преюдициальные признаки субъекта преступления связываются с повторным противоправным поведением лица, что само по себе свидетельствует о таких личностных свойствах, наличие которых вызывает необходимость применения более строгих мер воздействия в сравнении с лицами, впервые совершившими соответствующие противоправные деяния. Иными словами, законодателем учтена такая специфика ценностно-нормативной составляющей, которая свидетельствует о готовности лица совершить новое деяние, игнорировании им личного опыта уголовного или административно-правового принудительного воздействия со стороны государства, чему придается значение в целях квалификации преступления. Как отмечает Д. В. Мирошниченко применительно к уголовно-правовой преюдиции, «законодательное использование рецидива в качестве криминообразующего или квалифицирующего признака состава преступления, на наш взгляд, видоизменяет природу рецидива как специфического инструмента наказания, придавая ему качественное значение в виде характеристики личности преступника, важной для квалификации» [19, с. 72].

В науке высказываются опасения по поводу актуализации теории опасного состояния в уголовном законе, однако на этот счет следует привести некоторые замечания. Так, исходя из подходов к пониманию общественной опасности личности преступника, можно сделать предположение о ее генетической связи с теорией опасного состояния личности. К примеру, Б. В. Волженкин отмечает, что «преступное деяние (как умышленное, так и по неосторожности) является в той или иной степени следствием и выражением общественной сущности личности правонарушителя», определяя ее как «реальную, конкретную возможность совершения этим же лицом нового преступления», существующую «после совершения преступления» [20, с. 106]. Напомним, что отечественные представители умеренного направления теории опасного состояния В. Д. Набоков, А. А. Жижиленко, Э. Я. Немировский отстаивали позицию о том, что опасное состояние личности проявляется в совершенном ею преступлении. Так, А. А. Жижиленко в основу своих рассуждений положил «представление не об опасном человеке вообще, а о человеке, учинившем преступное деяние и в силу тех или иных условий признаваемом опасным» [21, с. 5]. Ученый называет два критерия опасности личности – «повторность учинения известных деяний», что указывает на «склонности... нетерпимые в общезжитии» и «определенные преступления, при которых следует признать, что их учинитель, действительно, вызывает особенное беспокойство в обществе» [21,

с. 7]. Помимо этого, предлагается принимать во внимание связь посягательства «с определенными склонностями данного субъекта, вредными для общества». В данном случае, как поясняет автор далее, имеется в виду связь с тунеядством, распутством и пьянством [21, с. 8].

Полагаем, что рассмотрение общественной опасности личности в свете реальной возможности совершения нового преступления чрезвычайно близко к трактовке опасного состояния личности представителями умеренного направления соответствующей теории, что, однако, не должно вызывать беспокойства. Представляется, что неприятие теории опасного состояния в современной науке обусловлено позицией сторонников ее радикального направления, выраженной А. Принсом: «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [22, с. 131]. Очевидна разница с позициями, приведенными выше и высказанными также в рамках рассматриваемой теории, что позволяет нам поддержать идею о том, что теория общественной опасности личности преступника, получившая распространение в нашей стране, является разновидностью теории опасного состояния личности [23, с. 60].

Другим примером учета общественной опасности личности виновного в целях криминализации является ст. 210.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В частности, Н. Г. Кадников отмечает, что в рассматриваемой норме речь идет именно о признаках личности, подлежащих установлению в целях привлечения к ответственности, а не о признаках состава [24, с. 53]. В. Н. Борков и Г. Е. Москаленко приходят к выводу о том, что основанием для привлечения к ответственности в данном случае «служит особое состояние лица как юридический факт» [25, с. 58].

Согласно пояснительной записке к соответствующему законопроекту, необходимость криминализации вызвана тем, что «уголовная ответственность за факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена», а уголовно наказуемым является совершение деяния лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210.1 УК РФ). При этом наибольшая общественная опасность лидеров преступных сообществ (преступных организаций) обусловлена характером действий, вытекающих из данного статуса, а также недосягаемостью для правоохранительных органов [26]. Несмотря на последнее приведенное утверждение, поскольку ни о каких конкретных криминализируемых действиях авторы инициативы речи не ведут, указывая лишь на опасность статуса, вывод следует совершенно однозначный: ответственность в данном уголовно-правовом запрете предусмотрена за наличие у лица определенной характеристики личностной социально-демографической подструктуры. В рамках действующего уголовного законодательства это единственный пример придания уголовно-правового значения свойствам личности как основания для привлечения к ответственности, не требующего установления совершенного носителем деяния что, кста-

ти, совпадает с точкой зрения приверженцев радикального направления в теории опасного состояния, рассмотренной выше. В свете темы настоящей статьи это свидетельствует о том, что в данном случае правильно говорить не об общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а об опасности деятеля в связи с наличием у него соответствующей личностной характеристики.

Выводы

Анализ уголовного законодательства в части сопровождающих законопроекты документов и его результатов в виде уголовно-правовых новелл показывает актуальность учета общественной опасности личности в целях криминализации. Последнее традиционно не вызывает сомнений у авторов в связи с преступлениями, совершаемыми специальным субъектом, однако при этом упускается из виду, что характеристики, которым законодатель придает значение специальных признаков субъекта, в большинстве своем представляют описание статусно-ролевого положения личности. В рамках криминологического учения о личности преступника такие признаки относятся к социально-демографической подструктуре личности, а значит, можно смело утверждать, что в деяниях, совершаемых специальным субъектом, в целях квалификации необходимо установить наличие определенных в законе личностных характеристик виновного. Это также означает, что и в целях криминализации учитываются именно личностные характеристики деятеля, в рамках состава получающие значение специальных признаков субъекта.

Появление в уголовном законе ст. 210.1 УК РФ, с одной стороны, еще раз эту мысль подтверждает, а с другой – указывает на совершенно новый и ранее не применявшийся подход к криминализации, поскольку здесь общественная опасность деяния как ее основание в полном объеме подменяется общественной опасностью деятеля, а точнее, опасным состоянием личности в понимании сторонников радикального направления соответствующей теории.

Обращение к деяниям с преюдициальными признаками позволяет сделать вывод о том, что кроме личностных характеристик социально-демографической подструктуры законодатель в целях криминализации учитывает и иные личностные признаки – признаки, учением о личности преступника относимые к ценностно-нормативной подструктуре личности.

Таким образом, поскольку криминообразующими признаками для составов отдельных преступлений выступают именно личностные свойства виновного, характеризующие либо социально-демографическую, либо ценностно-нормативную подструктуру личности преступника, дискуссионный в течение многолетнего периода вопрос о соотношении общественной опасности преступления и общественной опасности личности преступника, судя по всему, законодателем решен однозначно. При этом доктринальная дискуссионность и легальная неопределенность самого по себе понятия общественной опасности этому ничуть не препятствуют, равно как не останавливает законодателя отсутствие веских доводов при ее обосновании в каждом очередном случае изменения уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. 303 с.
2. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.
3. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
4. Хиллута В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. 2024. № 77 (2). С. 60–69.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П // Российская газета. 2017. 28 фев. (№ 41).
6. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избр. лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 276 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. 219 с.
8. Рыбак А. З. Общественная опасность деяния как правовая категория // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ, 2010. № 2 (39). С. 5–9.
9. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.
10. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. 142 с.
11. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.
12. Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16–19.
13. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5?usclid=ll4tosylwp574357993> (дата обращения: 09.07.2023).
14. По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.08.2011 № 1623-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (дата обращения: 22.06.2023).
15. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления сотрудником органа внутренних дел)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 09.07.2023).
16. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (дата обращения: 08.04.2024).
17. Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 4–9.
18. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474 (дата обращения: 25.11.2023).
19. Мирошниченко Д. В. Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 71–75.
20. Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). СПб., 2008. 969 с.
21. Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников: доклад, представленный VIII Съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб., 1911. 40 с.
22. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. Г. С. Фельдштейна. М., 1912. 157 с.
23. Шабалин Л. И. О теориях вины // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 1. С. 60–62.
24. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 1. С. 50–55.
25. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1 (88). С. 54–59.
26. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 08.04.2024).

REFERENCES

1. *Osnovaniya ugovovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition: criminalization and decriminalization]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. Moscow, 1982. 303 p.
2. Dageľ P.S. Conditions for establishing criminal liability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 1975, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.).

3. Prozumentov L.M. Public danger as the basis for criminalization (decriminalization) of an act. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18-24. (In Russ.).
4. Khilyuta V.V. Ontological aspects of understanding public danger as a sign of crime. *Lex russica=Russian Law*, 2024, no. 77 (2), pp. 60-69. (In Russ.).
5. On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2017, no. 41. (In Russ.).
6. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbr. lektsii*[The doctrine of crime: selected lectures]. Moscow, 2010. 276 p.
7. Kuznetsova N.F. *Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugovnoy otvetstvennosti* [The significance of criminal consequences for criminal liability]. Moscow, 1958. 219 p.
8. Rybak A.Z. Public danger of an act as a legal category. *Yurist-pravoved. =Lawyer-Legal Expert*, 2010, no. 2 (39), pp. 5–9. (In Russ.).
9. Demidov Yu.A. *Sotsial'naya tsennost' i otsenka v ugovnom prave* [Social value and assessment in criminal law]. Moscow, 1975. 182 p.
10. Prozumentov L.M. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk, 2012. 142 p.
11. Prozumentov L.M. The basis of criminalization (decriminalization) of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Bulletin of the Tomsk State University. Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91. (In Russ.).
12. Gontar' I. The category of “public danger” in criminal law: ontological aspect. *Ugovnoe pravo =Criminal Law*, 2007, no. 1, pp. 16–19. (In Russ.).
13. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii”* [Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5?ysclid=ll4tosylwp574357993> (accessed July 9, 2023).
14. *Po zaprosu Labytnangskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga o proverke konstitutsionnosti punkta “o” chasti pervoi stat'i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 1623-O-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 1623-O-O “On the request of the Labytnangsky City Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on checking the constitutionality of paragraph “o” of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (accessed June 22, 2023).
15. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii” (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushchikh nakazanie obsoyatel'stv sovershenie prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennikh del)* [Explanatory Note to the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” (on excluding from the list of aggravating circumstances the commission of a crime by an employee of the internal affairs body)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (accessed July 9, 2023).
16. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v stat'yu 150 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii”* [Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and to Article 150 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (accessed 08 April 2024).
17. Neznamova Z.A., Neznamov A.V. Administrative prejudice as a criterion for criminalizing an illegal act. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2018, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.).
18. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestuplenii, a takzhe punktov 1–8 Postanovleniya Gosudarstvennoi Dumy RF ot 26 maya 2000 goda “Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoi Otechestvennoy voine 1941–1945 godov” v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhmunitsipal'nogo (raionnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.03.2003g. No. 3-P* [On the case of checking the constitutionality of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's criminal record, repetition and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of the Russian Federation of May 26, 2000 “On the announcement of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 “in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of Moscow and the complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of March 19, 2003]. Available at: <base/consultant.ru> (accessed 25 November 2023).
19. Miroshnichenko D.V. Criminal prejudice and recidivism of crimes. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury I notariata =Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*, 2017, no. 4 (47), pp. 71–75. (In Russ.).
20. Volzhenkin B.V. On the question of the concept of public danger of a criminal. In: *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii (1963–2007)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg, 2008. 969 p.
21. Zhizhilenko A.A. *Mery sotsial'noizdashchity v otnoshenii opasnykh prestupnikov: doklad, predstavlenyi VIII S"ezda Russkoi grupy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov* [Social protection measures in relation to dangerous criminals: report presented by the VIII Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists]. Saint Petersburg, 1911. 40 p.
22. Prince A. *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugovnogo prava* [Protection of society and the transformation of criminal law]. Transl. from French by Markelova E. Moscow, 1912. 157 p.
23. Shabalin L.I. On theories of guilt. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2016, no. 1, pp. 60–62. (In Russ.).
24. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov=Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russ.).

25. Borkov V.N., Moskalenko G.E. The socially dangerous state of a person as a legal fact and the basis of responsibility. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (88), pp. 54–59. (In Russ.).

26. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Uголовno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (v chasti protivodeistviya organizovannoi prestupnosti)"* [Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (in terms of countering organized crime)". Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (accessed April 8, 2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

YULIYA S. KARAVAEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law of the Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Статья поступила 14.04.2024